

УДК 553(470.21):504.75

doi 10.17072/2219-3111-2023-4-200-210

Ссылка для цитирования: *Гильминтинов Р. Р.* «Когда зола перестанет быть Золушкой?»: утопический консерватизм позднесоветского экологического регулирования // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 4(63). С. 200–210.

«КОГДА ЗОЛА ПЕРЕСТАНЕТ БЫТЬ ЗОЛУШКОЙ?»: УТОПИЧЕСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ ПОЗДНЕСОВЕТСКОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Р. Р. Гильминтинов

Тюменский государственный университет, 625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, 6;

Университет Дьюка, 27708, США, 2080 Duke University Road, Durham, NC

r.r.gilmintinov@utmn.ru

SPIN-код: 8271-6460

ResearcherID: ACD-6918-2022

Scopus Author ID: 57371322000

На основе материалов Отдела охраны природы Госплана СССР анализируются особенности позднесоветского экологического регулирования. Обосновывается тезис о том, что, несмотря на отсутствие специального природоохранного ведомства в Советском Союзе, экологическое регулирование носило системный характер, будучи интегрированным в народнохозяйственное планирование в рамках «экономики согласований». Делается также вывод о том, что советское экологическое регулирование отличал утопический консерватизм. С одной стороны, утопическим горизонтом советского экологического регулирования было радикальное переустройство природопользования, которое превратило бы все отходы в ресурсы для экономики. С другой стороны, реализация экологической программы стала частью брежневских консервативных реформ, которые не подразумевали перераспределения власти и ресурсов между экономическими агентами, а лишь совершенствовали механизмы планирования и экономического стимулирования в рамках существующего баланса сил. В первой части статьи исследуются процесс институционализации Отдела охраны природы Госплана и принципы его работы. Демонстрируется, что этот небольшой орган не ставил своей задачей детализировать все природоохранные меры, однако он занимал место ключевого узла, через который были выстроены взаимоотношения различных агентов «экономики согласований». Вторая часть работы – кейс-стади, в котором шаг за шагом реконструируется процесс взаимодействия между партийной верхушкой, Советом Министров СССР, Госпланом и отдельными министерствами по вопросу использования отходов нефтехимической промышленности и энергетики для получения ванадия. Специалисты Отдела охраны природы Госплана СССР пытались настроить отношения отдельных министерств так, чтобы отходы одного превратились в ресурсы для другого, однако это требовало куда более глубокой перестройки советского природопользования.

Ключевые слова: экологическое регулирование, рационализация природопользования, экология СССР, экономика СССР, Госплан.

Введение

Несмотря на то что формирование советской системы экологического регулирования происходило одновременно с аналогичными процессами в Европе и США, в СССР вплоть до конца 1980-х гг. не существовало специального природоохранного органа. Ключевое в этом процессе Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 29 декабря 1972 г. «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов» делегировало задачи по надзору за состоянием окружающей среды, планированию природоохранных мер и контролю за их исполнением широкому кругу министерств и ведомств. Лишь в начале 1988 г. был учрежден Государственный комитет охраны природы и природных ресурсов СССР (Госком-природы). В литературе этот факт критикуется как одно из слабых мест советской экологической программы [*Калимуллин, 2006, с. 240; Макеева, 2016, с. 46; Josephson et al., 2013, p. 190;*

Шмыглёва, 2017]. Авторы важной коллективной монографии «Охрана природы России: от Горбачева до Путина» (2003) в связи с этим утверждают, что с 1972 по 1988 г. «никакой целостной природоохранной системы в стране не существовало» [Ларин и др., 2003, с. 25]. Для них, таким образом, отсутствие специального ведомства было равнозначно отсутствию систематической природоохранной политики как таковой.

В данной статье я предлагаю альтернативное видение. Я показываю, что в СССР в этот период сложилась многоуровневая система экологического регулирования, которая была успешна интегрирована в структуру уже существовавших механизмов управления советской экономикой. Важной особенностью послесталинской хозяйственной жизни страны стало то, что В. А. Найшуль еще в начале 1990-х гг. обозначил как «экономiku согласований» [Найшуль, 1991] (наиболее подробно функционирование экономики согласований описал в своей недавно вышедшей монографии Н. Митрохин [Митрохин, 2022, с. 94–215]). Плановые задания не спускались сверху в готовом виде, а формировались в ходе сложного торга между партийными, советскими, хозяйственными органами, министерствами, производственными объединениями и отдельными предприятиями. С середины 1970-х гг. у этого торга появился дополнительный предмет – плановые задания по снижению материалоемкости и отходов, строительству очистных сооружений, использованию вторичных ресурсов и другим мерам, которые в советской литературе обозначались понятием «рационализация природопользования». Опираясь на материалы Отдела охраны природы Госплана, я в данной статье показываю, какие возможности давала и какие ограничения накладывала экономика согласований на реализацию новых принципов «рационального природопользования».

Важнейшая особенность советской системы экологического регулирования, которую данное исследование позволяет высветить, – это ее консервативный утопизм. Под этим понятием я имею в виду следующее: философия диалектического материализма, лежавшая в основе представлений советских экономистов и плановиков о мире, предполагала, что никакое вещество не является по определению вредным или полезным. «Ресурсы» и «загрязнители» создаются в рамках общественных отношений, которые включают в себя развитие науки и технологий, формы собственности и экономические стимулы, производство и потребление (Ферсман, 1932; Федоров, 1977; Потемкин, 1977). Причиной истощения ресурсов и загрязнения окружающей среды в этой онтологии становится не экономическое развитие как таковое, а неправильная настройка общественных отношений в сфере природопользования – «хаос рынка» в капиталистическом мире или «ведомственность», борьбу с которой активно вела партия в период «развитого социализма». Начиная с 1960-х гг., гармония с природой становилась важным элементом образа коммунистического будущего. Советское государство активно участвовало в работе международных организаций, формируя глобальную зеленую повестку и используя экологические проблемы в странах Запада, чтобы говорить о преимуществах социализма [Собисевич, Фокин, 2017]. В Конституции 1977 г. были зафиксированы обязанности государства по защите окружающей среды в интересах настоящего и будущего поколений, а природоохранная тематика стала одним из ключевых сюжетов советской пропаганды [Раков, Фокин, 2022]. «Рационализация природопользования», таким образом, становилась одним из ключевых элементов утопического образа коммунистического будущего. Плановая экономика обещала замкнуть цикл производства и превратить отходы производства из загрязнителей среды в ресурсы.

При этом, несмотря на утопический заряд программы «рационализации природопользования», она хорошо вписалась в брежневскую консервативную программу реформ. Как показывает Я. Фейгин, экономическая политика Л. И. Брежнева была чем-то большим, чем простой реакцией на радикализм реформ 1950–1960-х гг. Л. И. Брежнев и его команда отметали идеи реформаторов, которые могли стать политическим вызовом системе, но сохраняли безопасные нововведения, а также разворачивали свою позитивную экономическую программу. «Стагнация была не временем бездействия, а скорее временем реализации последовательной консервативной политической программы, в рамках которой пытались использовать реформистские методы без их опасных политических последствий», – пишет Я. Фейгин [Feigin, 2017, p. 216]. В эту программу Я. Фейгин включает прежде всего совершенствование технологической основы хозяйства (науч-

но-техническая революция) и попытки перейти от экстенсивной к интенсивной модели экономического развития. В данной статье я демонстрирую, что меры по сокращению потерь природных ресурсов, загрязнения воды, почвы и атмосферного воздуха, принимавшиеся в СССР в 1970–1980-е гг., следовали похожей логике «совершенствования» хозяйственного механизма.

Чтобы показать, как «рационализация природопользования» интегрировалась в «экономику согласований», я в данной статье опираюсь на материалы созданного в 1974 г. Отдела охраны природы Госплана СССР. Многие исследователи убедительно демонстрировали, что Госплан не был центром, в котором принимались важные решения в области экономической политики. Позиция плановиков была скорее технической: «на Политбюро решают – мы обсчитываем» [Сафронов, 2021, с. 6; Некрасов, 2012; Ольсевич, Грегори, 2000, с. 11; Hanson, 2003, р. 24; Rutland, 1985]. Несмотря на это Госплан становился важнейшим узлом, через который выстраивалось взаимодействие политического центра и хозяйствующих субъектов [Митрохин, 2022, с. 137–148]. Первый раздел статьи посвящен институционализации ООП Госплана и описанию основных принципов его работы. Во втором разделе подробно разбирается кейс, связанный с проблемами, возникшими в 1986 г. в связи с получением ванадия из отходов нефтепереработки и энергетики. Данный кейс хорошо демонстрирует разрыв между радикализмом той цели, которую ставила перед плановой экономикой программа «рационализации природопользования», и консерватизмом инструментов, с помощью которых к этой цели пытались прийти.

Отдел охраны природы Госплана СССР: институционализация и принципы работы

Новые практики природопользования должны были проникнуть во все сферы жизни советского общества. Не было ни одного крупного министерства или ведомства, которое бы не упоминалось в Постановлении 1972 г. Какие-то из них получали широкий круг новых полномочий и зон ответственности, как, например, Гидрометеорологическая служба, которая должна была организовать масштабную работу по наблюдению и контролю за уровнем загрязнения атмосферы, почвы и водных объектов по всей стране. Другие министерства и ведомства были меньше вовлечены в процессы экологического регулирования. Однако все они с 1975 г. были обязаны включать в свою плановую работу специальный раздел по охране природы и рациональному использованию природных ресурсов. В этой системе ключевую роль играл специально созданный Отдел охраны природы Госплана, который согласовывал интересы различных экономических агентов, координировал и агрегировал работы в области природопользования [Иванов, Приблуда, 1967, с. 53].

ООП Госплана был создан в ноябре 1974 г. со штатом всего в 26 сотрудников. Его первым руководителем стал Петр Иванович Полетаев, молодой экономист, в том же году защитивший кандидатскую диссертацию по проблеме воспроизводства основных фондов в сельском хозяйстве (Полетаев, 1974). Через год после создания ООП П. И. Полетаев в своем письме председателю Госплана Н. К. Байбакову писал о том, что отделу до сих пор не выделены подходящие помещения для работы, а его штат не укомплектован полностью из-за «скрытого противодействия» отдела кадров. Более того, отдел кадров предлагал сократить одну ставку в штате ООП. В ответ на это П. И. Полетаев писал, что вопросам охраны природы в последнее время придается первостепенное значение, они все более приобретают «международное звучание», а объем работ по природоохранным мерам непрерывно растет. Более того, у Госплана, как и у других министерств и ведомств страны, не было достаточного опыта в организации природоохранных мер. Поэтому, по мнению П. И. Полетаева, штат ООП нужно не сокращать, а наоборот, расширить на 3–5 человек (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 7089. Л. 24).

Действительно, в рамках программы рационализации природопользования ООП Госплана брал на себя широкий спектр задач. Его главной функцией стала разработка годовых и пятилетних планов по охране природы и рациональному использованию природных ресурсов. В них включались восемь разделов: 1) Охрана и рациональное использование водных ресурсов; 2) Охрана воздушного бассейна; 3) Охрана и рациональное использование земель; 4) Охрана лесных ресурсов; 5) Воспроизводство рыбных запасов; 6) Охрана недр и рациональное использование минеральных ресурсов (что включало в себя мероприятия по уменьшению потерь полезных ископаемых при добыче и комплексное использование месторождений); 7) Ввод в дей-

стве производственных мощностей, сооружений и объектов за счет государственных капитальных вложений; 8) Объем капитальных вложений в строительные-монтажные работы в пределах общих объемов государственных капитальных вложений (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 7093. Л. 1–24). По каждому из направлений планирования охраны природы требовалось провести расчеты и увязать их с общими показателями развития экономики. Более того, с конца 1974 г. ООП Госплана стал принимать участие в рассмотрении технико-экономических обоснований строек сметной стоимостью 3 млн руб. и более, т.е. почти всех новых крупных предприятий (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 7089. Л. 11а). Поэтому неудивительно, что П. И. Полетаев настаивал на расширении штата своего отдела.

Однако работа ООП Госплана подразумевала не доскональную детализацию всей природоохранной деятельности в стране, а координацию работы плановых отделов, которые действовали как во всех министерствах, производственных объединениях и на отдельных предприятиях, так и во всех территориальных органах исполнительной власти от советов министров республик до районных исполкомов. Так, например, в положении об ООП Госплана указывалось, что отдел участвует в рассмотрении планов распределения вод между пользователями по бассейнам рек, имеющим межреспубликанское значение. Это означало, что ООП Госплана включался в работу только там, где отношения водопользователей не могли быть урегулированы на республиканском уровне. ООП также разрабатывал методические указания, показатели и формы для составления планов охраны природы на более низких уровнях структуры народнохозяйственного планирования (Там же. Л. 19).

В рамках «экономики согласований» Госплан претендовал на то, чтобы быть над интересами отдельных отраслей, то же самое касалось и работы ООП в сфере природопользования. Зачастую прибыли отдельных отраслей (энергетики, металлургии, химической промышленности и других) оборачивались для народного хозяйства в целом большими издержками. Например, в плане развития экономики СССР на 1975–1980 гг. специалисты ООП указывали, что производство газоочистительной техники сильно отстает от роста выбросов в атмосферу. Выделяемые министерствами и ведомствами объемы капитальных вложений (всего около 1 млрд руб. за пятилетку) не обеспечивали снижения темпов роста концентрации вредных веществ в атмосфере, не говоря уже о снижении их уровня. В связи с тем, что объемы выбросов в атмосферу сернистого ангидрида, окислов азота, окиси углерода и других вредных веществ будут увеличиваться, ущерб народному хозяйству, по подсчетам ООП Госплана, к 1980 г. достигнет приблизительно 15 млрд руб. Больше всего ущерба загрязнение воздуха наносило здравоохранению – 6 млрд руб. за пятилетку (таблица). Важно понимать, что за реальность стояла за этими сухими цифрами: «ущерб здравоохранению» – это непрямой показатель, который позволяет измерить ухудшение здоровья тысяч и тысяч человек, которые пострадали от заболеваний легких, сердца и мозга, связанных с загрязнением воздуха.

Ущерб народному хозяйству от загрязнения воздуха в 10-й пятилетке (1976–1980)
по расчетам ООП Госплана

Отрасли	Доля отрасли в структуре общего ущерба, %	Сумма ущерба от загрязнения атмосферы, млн руб.
Здравоохранение	40	6,000
Коммунальное хозяйство	31	4,650
Промышленность	11	1,650
Сельское хозяйство	5	750
Лесное хозяйство	5	750
Прочее	8	1,200

Примечание. Таблица составлена на основе данных, представленных в РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 7091. Л. 21.

Важной чертой работы ООП Госплана был диалектический подход к ресурсам и загрязнителям. Сернистый ангидрид, окислы азота и множество других элементов, которые попадали

в воду, почву и атмосферу в ходе хозяйственной деятельности, были для плановиков не только загрязнителями, но и бессмысленно растрачиваемыми полезными ресурсами. Многие из них представляли собой ценные элементы, которые просто из-за нерационально организованной экономики оказались «не на своем месте». Так, например, в объяснительной записке к проекту плана на 1976 г. П. И. Полетаев писал о задаче очистить более 63 млн м³ нефтесодержащих вод и обеспечить сбор нефти в акваториях рек и портов. Собранная в рамках этих мероприятий нефть должна была снова использоваться в народном хозяйстве. По расчетам ООП, возвращение «загрязнителей» воды в экономический оборот должно было принести доходов на 204 млн руб. только в одном 1976 г. (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 7092. Л. 3).

В своей классической книге «Чистота и опасность» (1966) М. Дуглас предлагает своеобразное определение загрязнения: это то, что не на своем месте. «Ботинки грязные не сами по себе, но когда их ставят на обеденный стол; еда сама по себе не грязная, но грязно, когда немытую посуду бросают в спальне или пачкают едой одежду» [Дуглас, 2000, с. 65]. Таким образом, понятие загрязнения подразумевает наличие *системы*, которая предписывает тем или иным материям и объектам их место в мире. А загрязнение – это то, что выпало из системы и должно быть возвращено в нее в виде ресурса.

Марксистскому диалектическому материализму, лежавшему в основе представлений советских экономистов о мире, было близко такое понимание проблемы загрязнения. Известный советский ученый Е. К. Федоров в своей полемике с авторами доклада экспертов Римского клуба «Пределы роста» (1972) писал о том, что и ресурсы, и загрязнение не существуют сами по себе, а являются результатом социальных и исторических процессов: «Однако понятие природного ресурса имеет не только естественнонаучную и техническую, но и историческую сторону. Тот или иной элемент природной среды становится ресурсом тогда, когда появляется настоятельная потребность в его использовании и вырабатывается умение его использовать. <...> Однако очистка – не главный путь предотвращения опасности загрязнений. Технический прогресс уже давно четко определил путь радикального решения проблемы, а именно – полное использование всех веществ в любом технологическом процессе. Никаких отходов вообще не должно быть. Это диктуется требованиями не только чистоты, но и эффективности производства, требованиями рационального и полного использования всех ресурсов» (Федоров, 1977, с. 32).

Таким образом, горизонтом работы ООП Госплана была система, в которой не было бы места загрязнению, а все отходы производства превращались бы в ресурсы. Этот утопический проект основывался на философии диалектического материализма и должен был стать позитивным ответом на мрачные предсказания «Пределов роста». Как же на практике советские плановики намечались реализовать радикальную программу «рационализации природопользования»?

«На ничейной полосе»: рационализация природопользования в рамках экономики согласований

Как пишет Н. Митрохин в своей недавней работе, в Советском Союзе публицистика играла важную роль в обсуждении хозяйственных проблем, реформ и новых экономических идей еще задолго до перестройки [Митрохин, 2022, с. 247–248]. Острая статья в «Правде», «Известиях», «Советской России», «Экономической газете», «Комсомольской правде» или «Социалистической индустрии» могла запустить широкую дискуссию, проверку деятельности предприятия и даже стоять должности руководителю среднего звена. Недостатки в сфере природопользования также часто попадали в поле зрения журналистов, которые использовали яркие образы, чтобы привлечь внимание к той или иной проблеме. В качестве примера приведем здесь несколько газетных заголовков: «Госзаказ на чистый Байкал», «Тишина для города», «Когда же зола перестанет быть золушкой?» (Щепоткин, 1986; Дунаевский, 1986; Харитонова, 1988). История, о которой идет речь в этом разделе, тоже начинается с газетной публикации.

21 января 1986 г. в «Правде» была опубликована заметка ленинградского корреспондента В. Герасимова «На ничейной полосе. О судьбе новой технологии переработки нефти». В. Герасимов рассказывал в ней о том, что специалисты Всесоюзного научно-исследовательского нефтяного геологоразведочного института (ВНИГРИ) разработали метод получения ванадия из

отходов нефтепереработки. Вопрос не был праздным: ванадий являлся одним из ключевых легирующих элементов и использовался для выплавки специальных сортов стали. В чистом виде он применялся в ракетостроении и атомной промышленности [Холодов, 1968, с. 5]. Ванадия в земной коре больше, чем меди, цинка или олова, однако этот металл относится к рассеянным элементам, т.е. встречается он только в виде примесей в различных минералах и горных породах. Из-за этого добывать ванадий на рудных месторождениях трудно и дорого [Слотвинский-Сидак, Андреев, 1979, с. 15].

Разработанная ВНИГРИ технология обещала сэкономить тысячи тонн рудного ванадия: вместо него можно использовать металл, содержащийся в «хвостах» нефтепереработки – мазуте, который доселе сжигался в топках тепловых электростанций. Ценный металл загрязнял атмосферу и почву, оседал в токсичных золоотвалах и шламонакопителях. Предложения ВНИГРИ обещали не только положительный эффект для хозяйства страны в целом, но и прибыли для самой нефтехимической отрасли. Разработчики технологии подсчитали, что благодаря ей выход светлых продуктов переработки вырастет на 30 %. Ежегодная прибыль одной крупной установки обещала достичь почти 9 млн руб.

В. Герасимов писал, что предложение дошло до «ведомственной межи» и «застряло на ничейной полосе»: «Зачем, в самом деле, металлургам обременять себя хлопотами по применению нефтяного кокса, если государство все равно даст ванадий из рудных месторождений? К чему нефтепереработчикам возиться с освоением нового технологического передела, коль спрос с них только за топливо?» (Герасимов, 1986).

Статья в «Правде» привлекла внимание к проблемам комплексного использования природных ресурсов и загрязнения окружающей среды и запустила переписку между министерствами и ведомствами, которая позволит продемонстрировать роль Госплана в координации их работы, а также утопический консерватизм советской программы «рационализации природопользования».

Статья оказалась в поле зрения члена ЦК КПСС Я. П. Рябова, который поручил Госплану разобраться в ситуации в трехнедельный срок. Я. П. Рябов при этом требовал, чтобы проблему, поднятую В. Герасимовым, рассмотрели шире: «ничейные полосы» существовали в сфере использования геотермальных вод, попутных вод на нефтяных, газовых и угольных месторождениях и многих других нетрадиционных источников сырья, «где мы теряем ценнейшее дешевое сырье... и при этом загрязняем окружающую среду» (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 67. Д. 7297. Л. 44). Поэтому Я. П. Рябов потребовал от Госплана доложить о том, что делается для решения проблемы комплексного использования ресурсов не только в министерствах цветной и черной металлургии, нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности, но и в целом ряде других (Минудобрений, Минэнерго, Министерствах геологии, газовой, нефтяной и угольной промышленности).

Для того чтобы подготовить ответ на запрос Я. П. Рябова, Владислав Александрович Аникеев, инженер с большим опытом разработки газоочистительного оборудования и организационной работы, который возглавлял ООП Госплана с 1982 г., начал собирать информацию по отдельным министерствам.

Заместитель министра угольной промышленности А. П. Фирсун отчитывался, что почти половина твердых отходов (по большей части – огромного объема вскрышных пород, образующихся при добыче угля открытым способом) используется для засыпки разрезов и получения стройматериалов. Также специалисты Минуглепрома совместно с учеными Академии наук Украинской ССР проводили опыты по безотходной технологии деминерализации шахтных вод. Подземные воды, скапливающиеся в штольнях угледобывающих предприятий, содержат высокие концентрации редкоземельных элементов и минеральных солей. Экспериментальная установка, смонтированная на шахте им. Петровского в Донбассе, превращала шахтные воды из загрязнителя почвы в набор полезных компонентов: пресная вода, пригодная для орошения сельскохозяйственных угодий (96 %), хлорид натрия (2 %), сульфат натрия (1,5 %), карбонат кальция (0,3 %), оксид магния (0,2 %) (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 67. Д. 7297. Л. 25, 27).

Важные проблемы межведомственного взаимодействия вскрылись благодаря ответу заместителя министра химической промышленности А. Н. Устькачкинцева на запрос Госплана. Минхимпром брал на себя один из этапов реализации пятилетней научно-технической про-

граммы по освоению попутных вод на месторождениях полезных ископаемых, разработанной Госкомитетом по науке и технике (ГКНТ). Перед министерством стояла задача к 1990 г. отработать на опытно-промышленном уровне технологию получения йода, брома, стронция, лития и бора из сбросных вод предприятий Туркменской ССР и подготовить исходные требования для внедрения этой технологии на производствах по всей стране. Однако, как писал А. Н. Устькачкинцев, работа встала из-за неправильной координации работы разных ведомств, вовлеченных в реализацию программы. Для работы установок, разработанных специалистами Минхимпрома, требовались реагенты, которые должен был поставить один из институтов Министерства геологии. ГКНТ, однако, не установил более раннего срока по заданию Мингео, поэтому геологи имели полное право не спешить поставлять химикам реагенты. А. Н. Устькачкинцев указывал, что он неоднократно сообщал в ГКНТ о несоответствии этапов работы над общим проектом, но его замечания были проигнорированы. Он обращался к Госплану с просьбой уладить конфликт (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 67. Д. 7297. Л. 40–41).

Министр энергетики электрификации А. И. Майорец докладывал, что разработанная ВНИГРИ технология получения ванадия из мазута пока не применяется. Однако на 16 тепловых электростанциях, использующих мазут в качестве основного топлива, используется другой подход: ванадийсодержащие продукты получают из золы и шлаков. В результате на предприятия Министерства черной металлургии СССР отправляется более 100 тонн таких отходов ежегодно. А. И. Майорец поддерживал идею расширения практики получения ванадия непосредственно из мазута. Это, с одной стороны, способствовало бы уменьшению количества вредных веществ, попадающих в окружающую среду с уходящими газами электростанций, а с другой – способствовало бы охране труда на электростанциях: советская промышленность не производила автоматизированных систем сбора и упаковки ванадийсодержащих отходов из золы и шлаков. Рабочие делали это вручную, поэтому условия их труда были чрезвычайно вредными (Там же. Л. 35).

Министр черной металлургии С. В. Колпаков, в свою очередь, подтверждал, что ванадийсодержащие отходы с предприятий Минэнерго используются на предприятиях его отрасли при производстве чугуна некоторых высококачественных марок. Однако для более широкого внедрения новых материалов требовалась стандартизация: предприятия Минчермета должны были заранее знать, какие объемы и какое качество зольных остатков они получают в текущей пятилетке, чтобы создавать на основе этой информации необходимые производственные мощности (Там же. Л. 42).

В своем ответе на запрос Я. П. Рябова министр цветной металлургии П. Ф. Ломако также описывал успехи его ведомства в повышении комплексности использования ресурсов и приветствовал внедрение новой технологии извлечения ванадия из нефти. Его перспектива показывает еще одно интересное измерение логики загрязнения как «материи не на своем месте». В цветной металлургии при производстве алюминия применяется нефтяной кокс, поставляемый предприятиями Министерства нефтехимической промышленности. Содержащийся в этом коксе ванадий в значительной степени переходит в алюминий и неблагоприятно влияет на его технические свойства, снижая электропроводность. Поэтому внедрение технологии переработки нефти с выделением ванадия позволит обеспечить алюминиевые заводы Минцветмета безванадиевым коксом, что положительно скажется на качестве алюминия. П. Ф. Ломако писал, что при получении опытной партии такого кокса подведомственные ему предприятия незамедлительно проведут испытания в промышленных условиях (Там же. Л. 38). Таким образом, ванадий превращался в загрязнитель, не только попадая в атмосферу при сжигании мазута на тепловых электростанциях, но и переходя в алюминий в процессе электролиза.

Ответ Министерства нефтяной промышленности на запрос Госплана пришел заметно позднее остальных – лишь в начале марта – и не содержал в себе даже попытки прикрыть незаинтересованность руководства отрасли в проектах по комплексному использованию ресурсов. Заместитель министра В. Ю. Филановский отмечал, что в пластовых водах, высокоминерализованных спутниках нефтяных и газовых месторождений, содержатся полезные компоненты (йод, бром и другие), но извлекаются они только на предприятиях Минхимпрома. Нефтяникам же мешают недостаточная изученность и отсутствие технологической базы для получения этих компонентов. То же касается и извлечения ванадия из нефти: В. Ю. Филановский заявлял, что

этим должны заниматься предприятия химической и нефтехимической отраслей, и рекомендовал им провести комплекс научно-исследовательских работ по изучению данного вопроса без участия Миннефти (Там же. Л. 80–81).

Неудивительно, что вместо трех недель Госплану потребовалось почти полтора месяца, чтобы обработать данные, собранные в различных министерствах и ведомствах, и дать отчет по запросу Я. П. Рябова. Доклад состоял из двух частей. Первая была подписана заместителем председателя Госплана В. А. Ванчиковым, который курировал черную и цветную металлургию, лесную отрасль, производство ценных металлов и алмазов. Он обобщал подготовленные специалистами ООП данные и давал ряд рекомендаций по дальнейшей организации работы министерств и ведомств в области комплексного использования природных ресурсов. Вторая часть представляла собой более технический документ, содержащий подробный анализ технологий получения ванадия из нефти и отходов ее переработки. Он был подписан председателем ООП В. А. Анисимовым.

Прежде всего в докладе Госплана давалась оценка технологии получения ванадия из отходов нефтепереработки, которую разработал ВНИГРИ и которую в статье «На ничейной полосе» с энтузиазмом описал журналист В. Герасимов. Авторы доклада утверждали, что данная технология была не единственной и даже не самой эффективной: ее альтернативы давали на 20 % больше выхода полезного продукта (Там же. Л. 50). Таким образом, по заключению специалистов Госплана, в данном случае предложения ВНИГРИ наталкивались на объективные технологические ограничения, а не на организационную неповоротливость советской экономики.

Однако если смотреть на проблему комплексного использования минеральных ресурсов шире – как того требовал от Госплана в своем запросе Я. П. Рябов, – то оказывалось, что отсутствие координации между отдельными министерствами и ведомствами, действительно, оказывалось большой проблемой. Основной трудностью для использования нетрадиционных источников ванадия и других химических элементов был недостаток информации. Чтобы стать ресурсами, эти материалы еще должны были быть изучены и описаны в рамках особых научных и социальных процедур, которые подразумевали разведку, подробное изучение, постановку запасов на баланс и разработку технологий промышленного освоения. Только так те или иные элементы материального мира можно было вовлечь в экономический оборот. Традиционные практики геологоразведки фокусировались на основных ресурсах, лишь по остаточному принципу уделяя внимание попутным элементам. Так, нефтяникам было хорошо известно, что наиболее ванадиеносными были тяжелые нефти месторождений Татарской АССР, однако точных данных о количестве и качественных характеристиках не было, потому что в 1950-е гг., когда проводились основные геологоразведочные работы в этом регионе, вопросам комплексного использования ресурсов не уделялось внимания (Там же. Л. 56).

Еще сложнее была ситуация с получением ванадия из золы и шламов тепловых электростанций. Воспринимаемые прежде всего как отходы, а не как источники ценного ресурса, золоотвалы и шламонакопители редко оказывались в центре внимания отраслевых НИИ, поэтому по ним просто не существовало надежных данных. Так, если институты Минэнерго оценивали общие запасы ванадия в отходах ТЭС по всему СССР в 2,5 тыс. тонн, то, по мнению экспертов Минчермета, эта цифра могла достигать целых 10 млн тонн (Там же. Л. 57). Как писали специалисты ООП Госплана в своем докладе, для превращения золоотвалов и шламонакопителей из отходов в ресурсы, пригодные для промышленного освоения, требовалась инвентаризация как минимум 40 крупнейших ТЭС.

Получив доклад ООП Госплана по ситуации с комплексным использованием минеральных ресурсов, Я. П. Рябов созвал в начале апреля 1986 г. совещание, на котором присутствовали представители Минэнерго, Минчермета, Миннефтехима, ГКНТ и ООП Госплана. Судя по тому, что на совещании обсуждалась только ситуация с ванадием, можно предположить, что отчеты министерств по использованию гидроминеральных ресурсов Я. П. Рябова удовлетворили. Поручения, которые были даны министерствам и ведомствам по результатам этого совещания, во многом воспроизводили рекомендации Госплана. Единственным важным отличием было предложение Я. П. Рябова ограничить или полностью прекратить экспорт нефти и мазута с повышенным содержанием ванадия (Там же. Л. 102).

В докладе, который заместитель председателя Госплана В. А. Ванчиков направил Я. П. Рябову спустя месяц после совещания, выяснились новые трудности в использовании ванадийсодержащих шламов ТЭС в промышленности. На 1986 г. между предприятиями Минэнерго и Минчермета заключены договоры на поставку лишь 335 тонн ванадийсодержащих шламов; в дальнейшем эта цифра могла достичь 1200 тонн за счет 200 тонн шламов текущей выработки и до 1000 тонн, ранее накопленных в шламонакопителе одной единственной электростанции – Литовской ГРЭС. Оказалось, что использование отходов ТЭС в качестве ресурсов наталкивалось на важное технологическое ограничение: шламонакопители должны были быть изначально спроектированы особым образом, чтобы их можно было использовать для получения ванадийсодержащих ресурсов. Только шламонакопитель Литовской ГРЭС имел специальное дренирующее основание, благодаря чему уходила лишняя влага. Костромская и Конаковская станции, где было накоплено еще 10 000 тонн шламов, не имели этой конструктивной особенности, и шлам в них хранился под слоем воды (Там же. Л. 105).

Этот кейс хорошо демонстрирует утопический консерватизм советской программы экологического регулирования. ООП Госплана не просто боролся с загрязнением окружающей среды и истощением запасов природных ресурсов, а пытался делать и то, и другое одновременно. Это была чрезвычайно амбициозная задача, для решения которой было недостаточно простой работы по координации ведомств. Требовались большие вложения в технологии, развитие инфраструктуры и широкомасштабные исследования.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФ № 22-78-00189 «Рационализация природопользования: политэкономия, планирование и экологическое регулирование угольной промышленности в 1965–1991 гг.» (работа с материалами Российского государственного архива экономики) и гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири» (выработка теоретической и историографической основы исследования в рамках обсуждения доклада на II Международной конференции «Пространство великих экспериментов», 2022).

Список источников

Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 66. Д. 7089. Л. 11а, 19, 24; Д. 7091. Л. 21; Д. 7092. Л. 3; Д. 7093. Л. 1–24; Оп. 67. Д. 7297. Л. 25, 27, 35, 38, 40–42, 44, 57, 80–81, 102, 105.

Герасимов В. На ничейной полосе. О судьбе новой технологии переработки нефти // Правда. 1986. 21 января.

Дунаевский Л. Тишина для города // Труд. 1986. 18 апреля.

Полетаев П.И. Воспроизводство основных производственных фондов и их влияние на развитие сельского хозяйства: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1974. 32 с.

Потемкин Л.А. Охрана недр и окружающей природы. М.: Недра, 1977. 205 с.

Федоров Е.К. Экологический кризис и социальный прогресс. Л.: Гидрометеоздат, 1977. 176 с.

Ферсман А.Е. Комплексное использование ископаемого сырья. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1932. 20 с.

Харитонов Н. Госзаказ на чистый Байкал // Советская Россия. 1988. 15 января.

Щепоткин В. Когда же зола перестанет быть Золушкой. О ведомственных отписках и реальном положении дел // Известия. 1986. 4 января.

Библиографический список

Дуглас М. Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000. 285 с.

Иванов Г.А., Приблуда А.Ш.-М. Плановые органы в СССР. М.: Экономика, 1967. 207 с.

Калимуллин А.М. Историческое исследование региональных экологических проблем. М.: Прометей, 2006. 367 с.

Ларин В.И., Мнацаканян Р.А., Честин И.Е., Шварц Е.А. Охрана природы России: от Горбачева до Путина. М.: КМК, 2003. 416 с.

- Макеева Е.Д. Организация работы министерств и ведомств РСФСР в сфере охраны природы в 1950–1970-е гг. // Вестник Вят. гос. ун-та. 2016. № 4. С. 45–50.
- Митрохин Н. Очерки советской экономической политики в 1965–1989 годах. М.: Новое литературное обозрение, 2022. Т. 1. 500 с.
- Найшуль В.А. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясины (Анатомия застоя). М.: Прогресс, 1991. С. 31–62.
- Некрасов В.Л. Должность председателя Госплана СССР в системе высшего политического руководства (1955–1964 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. С. 66–69.
- Ольсевич Ю., Грегори П. Плановая система в ретроспективе. М.: ТЕИС. 2000. 159 с.
- Раков Т.Н., Фокин А.А. «Все сегодня о природе думают»: поиски агентности в позднесоветском экологическом плакате // Уральский исторический вестник. 2022. № 2 (75). С. 106–114.
- Сафронов А.В. Практики работы Госплана СССР в брежневский период (по архивным материалам и интервью с В.В. Коссовым) [Электронный ресурс]: препринт WP11/2021/01. М., 2021. URL: https://wp.hse.ru/data/2021/03/31/1387177387/WP11_2021_01_.pdf (дата обращения: 28.08.2023).
- Слотвинский-Сидак Н.П., Андреев В. К. Ванадий в природе и технике. М.: Знание, 1979. 64 с.
- Собисевич А.В., Фокин А.А. “Нам отнюдь не безразлично, в каком виде социализм отвоюет планету у империализма”. Формирование социалистической экологии: между идеологией и практикой // Социология науки и технологий. 2020. № 11. С. 42–58.
- Холодов В.Н. Ванадий: геохимия, минералогия и генетические типы месторождений в осадочных породах. М.: Наука, 1968. 246 с.
- Шмыглёва А.В. Реализация государственной экологической политики в Западной Сибири в 1970–1980-е гг. [Электронный ресурс]. Новокузнецк: Изд-во Сибир. гос. индустриал. ун-та, 2017. URL: https://ecodelo.org/obshchestvo_i_priroda/43739-realizaciya_gosudarstvennoy_ekologicheskoy_politiki_v_zapadnoy_sibiri_v. (дата обращения: 28.07.2023).
- Feygin Y. Reforming the Cold War State: Economic Thought, Internationalization, and the Politics of Soviet Reform, 1955–1985: PhD diss. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2017. 414 p.
- Hanson P. The Rise and Fall of the Soviet Economy: an Economic History of the USSR from 1945. London; New York: Longman, 2003. 279 p.
- Josephson P., Dronin N., Mnatsakanian R., Cherp A., Efremenko D., Larin V. An Environmental History of Russia. New York: Cambridge University Press, 2013. 341 p.
- Rutland P. The Myth of the Plan: Lessons of Soviet Planning Experience. La Salle: Open Court, 1985. 286 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 07.08.2023

“WHEN WILL ASH STOP BEING CINDERELLA?” UTOPIAN CONSERVATISM OF LATE SOVIET ENVIRONMENTAL REGULATION

R. R. Gilmintinov

Tyumen State University, Volodarskogo str., 6, 625003, Tyumen, Russia
Duke University, 2080 Duke University Road, Durham, NC, 27708, USA
r.r.gilmintinov@utmn.ru
SPIN: 8271-6460
ResearcherID: ACD-6918-2022
Scopus Author ID: 57371322000

The paper analyzes the features of the late Soviet environmental regulation using materials from the Department of Nature Protection of the State Planning Committee of the USSR. The author argues that despite the absence of a special environmental agency, environmental regulation in the Soviet Union was systemic, being integrated into national economic planning through the “economy of approvals” framework. The author distinguishes utopian conservatism as one of the key features of Soviet environmental regulation. On the one hand, the utopian horizon of Soviet environmental regulation was a radical restructuring of nature management that would turn all waste into resources for the economy. On the other hand, the implementation of the environmental program became part of Brezhnev’s conservative reforms, which did not imply a redistribution of power and resources between economic agents, but only “improved the mechanisms of planning and economic incentives” within the existing balance of

power. The first part of the paper explores the institutionalization process of the Department of Nature Protection of the State Planning Commission and its operation principles. The author shows that while the did not set itself the task of detailing all environmental measure, it played a crucial role as a key node facilitating relationships among various agents within the “economy of approvals”. The second part of the paper presents a case study that reconstructs the interaction between the party elite, the Council of Ministers of the USSR, the State Planning Commission, and individual ministries on the issue of using waste from the petrochemical industry and power plants for vanadium production. The specialists from the Department of Nature Conservation of the State Planning Committee of the USSR sought to set up relations between individual ministries to convert waste of one ministry into resources for another one, but it required much deeper restructuring of Soviet environmental management.

Key words: environmental regulation, rationalization of nature management, ecology of the USSR, economy of the USSR, Gosplan.

Acknowledgments

¹ The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project № 22-78-00189 “Rationalization of nature management: political economy, planning, and the environmental regulation of coal mining, 1965–91”, and the Russian Federation Government, project № 075-15-2021-611 “Human and the changing Spaces of Urals and Siberia”.

References

- Duglas, M. (2000), *Chistota i opasnost': Analiz predstavleniy ob oskvernenii i tabu* [Purity and Danger: An Analysis of Defilement and Taboo Ideas], Kanon-Press-Ts Kuchkovo pole, Moscow, Russia, 285 p.
- Feygin, Y. (2017), *Reforming the Cold War state: Economic thought, internationalization, and the politics of Soviet reform, 1955–1985*, PhD diss., University of Pennsylvania, Philadelphia, USA, 414 p.
- Hanson, P. (2003), *The rise and fall of the Soviet economy: an economic history of the USSR from 1945*, Longman, London – New York, UK – USA, 279 p.
- Ivanov, G.A. & A.Sh.-M. Pribluda (1967), *Planovye organy v SSSR* [Planning bodies in the USSR], Ekonomika, Moscow, USSR, 207 p.
- Josephson, P., Dronin, N., Mnatsakanian, R., Cherp, A., Efremenko, D. & V. Larin (2013), *An Environmental History of Russia*, Cambridge University Press, New York, USA, 341 p.
- Kalimullin, A.M. (2006), *Istoricheskoe issledovanie regional'nykh ekologicheskikh problem* [Historical study of regional environmental issues], Prometey, Moscow, Russia, 367 p.
- Kholodov, V.N. (1968), *Vanadiy: Geokhimiya, mineralogiya i genet. tipy mestorozhdeniy v osadochnykh porodakh* [Vanadium: Geochemistry, Mineralogy and Genet. deposit types in sedimentary rocks], Nauka, Moscow, USSR, 246 p.
- Larin, V.I., Mnatsakanyan, R.A., Chestin, I.E. & E.A. Shvarts (2003), *Okhrana prirody Rossii: ot Gorbacheva do Putina* [Nature Conservation in Russia: from Gorbachev to Putin], KMK, Moscow, Russia, 416 p.
- Makeeva, E.D. (2016) “Organization of the work of ministries and departments of the RSFSR in the field of nature protection in the 1950s–1970s,” *Vestnik Vyatskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, № 4, pp. 45–50.
- Mitrokhin, N. (2022), *Ocherki sovetskoy ekonomicheskoy politiki v 1965–1989 godakh* [Essays on Soviet economic policy in 1965–1989], vol. 1, Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 500 p.
- Nayshul', V.A. (1991), “The highest and last stage of socialism”, in *Pogruzhenie v tryasinu (Anatomiya zastoya)* [Diving into the bog (Anatomy of stagnation)], Progress, Moscow, USSR, pp. 31–62.
- Nekrasov, V.L. (2012), “Position of Chairman of the State Planning Committee of the USSR in the system of top political leadership (1955–1964)”, *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, vol. 4, pp. 66–69.
- Ol'sevich, Yu. & P. Gregori (2000), *Planovaya sistema v retrospektive* [The planning system in retrospect], TEIS, Moscow, Russia, 159 p.
- Rakov, T.N. & A.A. Fokin (2022), ““Everyone thinks about nature today”: the search for agency in a late Soviet environmental poster”, *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, № 2 (75), pp. 106–114.
- Rutland, P. (1985), *The myth of the plan: lessons of Soviet planning experience*, Open Court, La Salle, USA, 286 p.
- Safronov, A.V. (2021), *Praktiki raboty Gosplana SSSR v brezhnevskiy period (po arkhivnym materialam i interv'yuu s V. V. Kossovym)* [Practices of the work of the State Planning Committee of the USSR in the Brezhnev period (based on archival materials and an interview with V.V. Kossov)], preprint WP11/2021/01, Moscow, Russia, available at: https://wp.hse.ru/data/2021/03/31/1387177387/WP11_2021_01_.pdf (accessed 28.08.2023).
- Shmygleva, A.V. (2017), *Realizatsiya gosudarstvennoy ekologicheskoy politiki v Zapadnoy Sibiri v 1970-1980-e gg.* [Implementation of the state environmental policy in Western Siberia in the 1970s–1980s], Sibirskiy gosudarstvennyy industrial'nyy universitet, Novokuznetsk, Russia, available at: https://ecodelo.org/obshchestvo_i_priroda/43739-realizatsiya_gosudarstvennoy_ekologicheskoy_politiki_v_zapadnoy_sibiri_v (accessed 28.08.2023).
- Slotvinskiy-Sidak, N.P. & V.K. Andreev (1979), *Vanadiy v prirode i tekhnike* [Vanadium in nature and technology], Znanie, Moscow, USSR, 64 p.
- Sobisevich, A.V. & A.A. Fokin (2020), ““We are by no means indifferent to the form in which socialism will reclaim the planet from imperialism”. Shaping a Socialist Ecology: Between Ideology and Practice”, *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, № 11, pp. 42–58.